

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА⁶**

**MODERNIZATION LIKE A PROCESS: THE ONTOLOGICAL AND
METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE PROJECT APPROACH**

В.М. Цлаф
Victor M.Tslaf

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Samara National Research University named after academician Sergey P. Korolev

Модернизация рассматривается как процесс развития социально-деятельностной системы на основе разработанной автором онтологической схемы. Показано, что субъекты инициации и субъекты управления модернизацией различаются как функциями в процессе модернизации, так и компетенциями. В существующей социокультурной ситуации государство не может эффективно управлять модернизацией. Предложено для управления модернизацией использовать профессиональные консалтинговые компании, финансируемые на основе краудфандинга средним бизнесом и действующие на основе стандартов управления проектами.

Modernization like the social-activity system development process is considered on the basis of the ontological scheme worked out by the author. It's showed that the initiator and the manager of modernization are different persons distinguished with the functions and the competences. Russian political authorities can't manage the modernization under the up to date sociocultural conditions. It's offered to use the professional consulting companies funded by middle-size business organizations according to the crowdfunding principle for managing modernization on the basis of the project management standard.

Ключевые слова: модернизация, социально-деятельностная система, развитие, управление.

Keywords: modernization, social-activity system, development process, managing.

1. То, что модернизация есть процесс, видимо, не нуждается в доказательстве. Не говоря уже об устоявшемся словоупотреблении «процесс модернизации» (которое с методологической позиции могло бы оказаться некорректным), очевиден тот факт, что модернизация есть изменение во времени некоторой совокупности характеристик нашей жизни, эти характеристики в каждый момент времени измеримы (хотя бы в порядковых шкалах) и по изменению их значений можно судить о том, что мы называем модернизацией, – а такое изменение и есть процесс⁷.

Но что именно изменяется в процессе модернизации – что есть *объект* процесса модернизации – оказывается более трудным вопросом.

В истории изучения модернизации на Западе (кратко изложенной в обзорной статье И.В. Побережникова [1]) и подробно проанализированной в известной монографии П. Штомпки [2, с. 170-185]) технико-технологический и экономический аспекты модернизации практически с самого начала ее изучения были «связаны» с социальным, политическим и, в особенности, идеологическим аспектами. Это, в целом, объяснилось тем, что само изу-

⁶ Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-13-63004.

⁷ Мы используем понятие процесса, принятое в естественных науках и в большинстве методологических школ. При описании бизнес-процессов, в том числе, в системах менеджмента качества согласно международным стандартам серии ISO 9000, процессом называют последовательность действий, с нашей точки зрения, смешивая понятия процесса и механизма процесса. Несмотря на распространенность определений ISO 9000 в наши дни, мы им не следуем.

чение модернизации преследовало политические и идеологические цели, связанные с существованием «трех миров» (по П. Штомпке): ««первый мир» развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и «индустриализовавшиеся страны» Дальнего Востока; «второй мир» авторитарных «социалистических» обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и «третий мир» постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии» [2, с.171]. В российской науке и практике государственного управления преобладали и активно проявляются сегодня технико-технологический и экономический аспекты модернизации, выраженные, в частности, в «национальной технологической инициативе (НТИ)» [3]. Лишь в мае 2016 г. во время 5-дневной сессии «форсайт-флот 2016» [4] активисты НТИ убедились, что без социальной и социокультурной составляющих НТИ не реализуема. Системная интерпретация понятия «модернизация» в России введена работами чл.-корр. РАН Н.И. Лапина ([5] и др.). Однако системную концепцию модернизации, с нашей точки зрения, нельзя считать завершенной. В работах, посвященных модернизации (например, [6], [7] и др.), часто рассматриваются 4 компоненты модернизации: технико-технологическая, социальноэкономическая, социокультурная и институционно-регулятивная. Вопрос: компонентами *чего* они являются? Если модернизация – процесс, то по какому принципу выполнена декомпозиция процесса на компоненты? Очевидно, что в основу декомпозиции процесса здесь положена декомпозиция объекта процесса. Однако названы компоненты объекта, но не сам объект. При этом теория систем требует, чтобы система рассматривалась в ее целостности, а после ее декомпозиции системное соединение полученных частей должно обеспечивать синергический эффект. В чем может выражаться синергический эффект, если известны только компоненты, а не целое?

Нам представляется, что наиболее адекватным представлением объекта модернизации в ее современном понимании является социально-деятельностная система. Понятие социально-деятельностной системы введено автором в 1990 г. путем построения онтологической схемы такой системы; схема впервые опубликована в раздаточных материалах для участников XII Всемирного конгресса по организационному развитию (Литва, Паланга, 1992) на английском языке, в дальнейшем размещена на сайте Самарской школы бизнеса, в 2003 г. в сокращенном виде опубликована в межвузовском сборнике «Процессы и среда современного менеджмента» (Самара, СамГУ, 2003) и полностью, но с измененным названием перепечатана с сайта журналом «Вопросы культурологии» [8]. На протяжении 25 лет данная схема используется как теоретическая основа практических работ автора в области регионального, муниципального и корпоративного управленческого консалтинга.

Социально-деятельностная система в онтологической схеме представлена в виде 5 подсистем: социума (совокупности социальных отношений, ролей, статусов, стратов, групп, организаций, интегрированных коммуникацией), деятельности (состоящей, в свою очередь, из двух подсистем: репродуктивной и инновационной деятельности), культуры, власти и ценностей. Связи между подсистемами в онтологической схеме обладают направленностью и могут иметь разные интерпретации [9].

Отметим особенность интерпретации подсистемы власти в описываемой схеме. Власть здесь трактуется не только как определенный тип социальных отношений (власти – подчинения или, в более мягком варианте, влияния – зависимости), но в первую очередь как *деятельность по утверждению* инновационных интеллектуальных продуктов – проектов институциональных норм, т.е. приданию им силы институтов, подкрепленных санкциями, а также по *контролю* исполнения этих норм и применению при необходимости санкций за их неисполнение.

При рассмотрении процессов модернизации целесообразно расширить это представление, введя понимание власти как деятельности субъекта власти по использованию не только принуждения, обеспеченного санкциями, но и убеждения, стимулирования или авторитета для реализации его воли в деятельности других людей. Тем самым мы уходим от политоло-

гической парадигмы власти, сосредоточенной в руках определенной социальной группы – политической элиты, в сторону общей кратологической и управленческой парадигмы («управление из любой точки»), предполагающей, что властью может обладать каждый, кто имеет достаточные способности и компетенции для использования рычагов убеждения, авторитета или стимулирования. При этом необходимо, чтобы они были поддержаны личностью или группой, референтной для «подчиненного» («зависимого») субъекта, реакция которой (критическое мнение, отношение и т.п.) явится при необходимости разновидностью санкций. Как теория, так и опыт применения этой концепции в консалтинговых проектах показывают, что формальная власть, использующая санкции в целях принуждения, является наиболее слабой формой власти – меры принуждения имеют силу только в той степени, в какой затрагивают ценностную систему подчиненных, и при этом ограничены рамками легальности и легитимности, но к той же ценностной системе непосредственно обращаются инструменты убеждения, стимулирования и использования авторитета.

Указанное расширение понятия власти позволяет наряду с процессами управления, внешнего по отношению к управляемым объектам, рассматривать процессы *самоуправления* как равнозначные, а в некоторых случаях и более важные, чем внешнее управление. Учитывающая только один вид власти институционально-регулирующая система заменится универсальной ценностно-регулирующей. Лица, облеченные формальной властью, создают институты в соответствии со своей ценностной системой и своей культурой, которые являются частью ценностной системы и культуры общества, и эти институты могут быть действенными только при условии, что ценности и культура их создателей совпадают с ценностями и культурой достаточно многочисленной части общества. При наличии конфликта институциональных и социокультурных норм, как показано в теории управления [10], приоритет принадлежит социокультурным нормам: институциональная норма в этих случаях либо вообще не будет выполняться, несмотря на угрозу санкций, либо ее выполнение потребует огромных издержек, которые современной неинституциональной экономикой трактуются как трансакционные.

Как отображено в онтологической схеме социально-деятельностной системы, власть (наряду с актуализированными в обществе ценностями) влияет на социокультурные нормы путем «фильтрации» проникновения норм культуры в социум, используя различные инструменты от цензуры и пропаганды до физического устранения носителей «нежелательных» культурных норм.

Тем самым вводится схема с обратной связью: (ценности + культура) → институты → (ценности + культура), в которой нельзя пренебрегать ни левой, ни правой частью.

В той же работе [9] рассматривается вопрос о развитии социально-деятельностной системы и показано, что *развитие социально-деятельностной системы порождается противоречием ценностного онто- и филогенеза*. На бытовом языке – должен появиться человек, которому не нравится то, что нравится другим. Ценностные ориентации этого человека должны сформироваться как-то не так, как у остальных. Только появление такой личности может стать источником развития социально-деятельностной системы.

2. Важнейшим методологическим вопросом является следующий: можно ли считать модернизацию процессом развития? В недавно опубликованной работе В.В. Никитаева [11], известного методолога школы Г.П. Щедровицкого, процессы модернизации и развития в известном смысле противопоставляются друг другу: модернизация как артификация естественного процесса и развитие как натурализация искусственного изменения. Помимо этих двух типов процессов изменений рассматриваются еще два типа, также часто связываемые с процессом модернизации: эволюция как естественные изменения естественных процессов и инноватизация как артификация искусственных трансформаций.

Позиция В.В. Никитаева заслуживает отдельного анализа, в целом она вызывает ряд возражений, но с некоторыми аргументами, по нашему мнению, следует считаться. Отнесение процесса модернизации к одному из указанных классов имеет принципиальное значение для организации управления модернизацией.

Автор надеется, что в ближайшее время сможет более подробно изложить свое видение этого вопроса.

3. Вопрос о *субъектах* модернизации требует уточнения понятия: идет ли речь о тех, кто *изменяет свое мышление и свою деятельность* в соответствии с извне заданными направлениями модернизации, о тех, кто *инициирует* такие изменения в обществе (в том числе, инициативно изменяя собственные мышление и деятельность, и эти изменения в дальнейшем вызывают мультипликативный эффект в обществе), или о тех, кто *управляет* такими изменениями.

Для того, чтобы осуществлять некоторую деятельность, актер должен *знать, что* надо делать, *уметь* это делать, *хотеть* это делать и *иметь необходимые для дела условия*. Выделение акторов как людей, заинтересованных в модернизации, позволяет ответить лишь на вопрос: кто *хочет* осуществления модернизации. Вопросы о знании, умении и условиях при этом не ставятся. Следовательно, в данном случае под актерами модернизации понимаются *инициаторы* или *агенты развития*, но не те, кто способен *управлять* процессом модернизации.

Инициация процессов модернизации, исходя из лично значимых интересов (т.е. определенных ценностей) тех или иных лиц, и управление процессами модернизации суть принципиально разные процессы, требующие от акторов разных компетенций. Инициация предполагает декларацию намерений, по предположению, совпадающих с интересами тех, кого касается инициатива, информирование заинтересованных лиц об инициативе, создание для них условий выполнения этих намерений – предполагается, что при наличии условий и мотивации к следованию заявленным инициатором намерениям соответствующие действия последуют. Инициатива может быть адресована только тем субъектам, интересы которых осознаны ими и совпадают с интересами инициатора. Управление предполагает построение модели управляемой системы (в данном случае – так или иначе локализованной социально-деятельностной системы), выявление проблем как несоответствия параметров модели ценностной системе управленца, построение проектной модели, соответствующей этой ценностной системе, конструирование целевой модели путем изменения проектной модели в соответствии с условиями реализуемости, планирование реализации целевой модели, обеспечение реализации всеми видами необходимых ресурсов (включая мотивированных исполнителей), руководство и контроль исполнения, при необходимости – корректировку планов и ресурсов обеспечения.

Среди прочих отличий инициации от управления – инициация рассчитана на существование сложившейся мотивации у предполагаемых исполнителей, оставляя в стороне вопросы их компетентности, управление – на создание мотивации путем стимулирования у исполнителей, подобранных по принципу наличия необходимых компетенций по осуществлению изменений.

Еще более важное отличие – инициация не рассматривает факторов реализуемости инициативы, в том числе, возможного политического противодействия ее реализации, для инициатора проектная модель является целевой. Для профессионального управленца превращение проектной модели в целевую – важнейший этап процесса управления, предполагающий анализ материальных, информационных, «человеческих» ресурсов, политических, экономических, социокультурных и прочих условий, позитивных и негативных стейкхолдеров, возможных побочных эффектов производимых изменений, всевозможных рисков и способов их уменьшения.

Еще раз возвращаясь к институционально-регулятивной функции государства, отметим, что, реализуя эту функцию, государство может лишь *создать условия* для возникновения мотивации к изменениям и осуществления самих изменений, но принципиально не способно даже проконтролировать возникновение реальной мотивации (а не «имитации бурной деятельности»), тем более – осуществить управляющие воздействия по отношению к тем субъектам, которые должны непосредственно осуществлять изменения, за исключением того случая, когда эти субъекты являются работниками государственных учреждений. Но и в по-

следнем случае изменения будут осуществлены согласно полученным указаниям лишь в меру квалификационных и прочих личностных возможностей исполнителей. В этом причина катастрофической неэффективности крайне затратных особых экономических зон, учрежденной поддержки предпринимательства и других благих намерений власть предержащих, которыми, согласно пословице, скоро можно будет мостить дорогу в ад.

Недавно, присутствуя на собрании клуба инвесторов, в который входят парочка местных миллиардеров и десятка два других успешных людей, я задал вопрос: «Господа, вы обаяны вашими успехами вашим талантам или ключевой ставке Банка России?» – Ответом был только смех в зале.

Кто же должен управлять процессом модернизации? – Профессиональный управленец, способный воспринять инициативу, «социальный заказ» на модернизацию и реализовать его в деятельности людей, которых инициируемые изменения должны коснуться.

Может ли в роли такого управленца выступать орган политической власти (любой орган государственного или муниципального управления)? – Теоретически: а почему бы нет? – Практически: российские органы государственного управления и местного самоуправления не имеют управленческих компетенций – управление заменено политикой, по выражению С.Н. Левина [12], системой статусных политических, бюрократических и экономических «торгов». Властные решения принимаются не путем консенсуса, обоснованного данными профессионального управленческого исследования, анализа и проектирования, а путем поиска компромисса в условиях несовместимых интересов участвующих сторон. Поскольку такая система пронизывает государственное и муниципальное управление сверху донизу, наличие «властной вертикали», ограничивающей дискреционное поведение «торгующих» и «торгующихся», представляется в данных конкретных социокультурных условиях не злом, а необходимым условием хотя бы частичной непротиворечивости институциональных установлений.

Расширяя представления С.Н. Левина о «статусных торгах», следует заметить, что в таких торгах участвуют не только власть и зависимый от власти бизнес, но и некоммерческий сектор, питающийся грантами и субсидиями власти или бизнеса.

Кто же в этих условиях может взять на себя (только путем самоопределения!) обязанность, или, выражаясь словами Г.П. Щедровицкого, окаянство управлять процессами модернизации? – Исходя из сказанного выше, это может быть только субъект, минимально участвующий в «статусных торгах». Любой участник «торгов», в поисках ли простого удовлетворения властных амбиций, предпочтений ли для своего бизнеса или для оплаты долга корпорации, профинансировавшей выборы, получения ли грантов от государственных фондов (что тоже является разновидностью статусного торга) или любых других благ – будет радеть не о модернизации, а об имитации бурной деятельности по управлению модернизацией – о «правильном» отчете «благотелю» и/или повышении вероятности выигрыша следующих торгов.

Как представляется, в современных российских условиях функции управления модернизацией может взять на себя только независимая некоммерческая организация профессиональных управленцев, источником финансирования которой в этом деле может быть набирающий популярность краудфандинг – иначе говоря, сбор добровольных даяний тех «субъектов модернизации», которые способны и мотивированы выступать в роли инициаторов, участников, но не управленцев модернизационных процессов. Соглашаясь с Л.А. Беляевой в том, кто может быть реально заинтересован в модернизации [13], и выбирая из них тех, кто обладает хоть какими-то финансовыми ресурсами для обеспечения этой деятельности, следует остановиться на представителях «среднего бизнеса». Возможно, в регионах России следует рассмотреть вопрос о создании ассоциаций содействия модернизации, включающих профессиональные консалтинговые организации как исполнителей управленческих функций и относительно независимые от властей, успешные на рынке организации среднего бизнеса, готовые финансировать эту деятельность и контролировать деятельность управленцев.

Среди инструментов управления модернизацией, учитывая ведущую роль социокультурных изменений, следует «воскресить» распространенные в конце 1980-х, но с тех пор новаторски забытые социотехнические методы, подобные инновационным играм В.С. Дудченко, организационно-деятельностным играм Г.П. Щедровицкого, а также произведенные от них формы управления социокультурными преобразованиями. Так, автором настоящего доклада в 1992 году на основе синтеза указанных игровых форм были созданы аналитико-инновационные сессии, с успехом применяемые до сих пор и дающие очевидный социокультурный эффект. В частности, проведенная в марте 2016 года сессия с членами Клуба директоров Самарской области, привела к тому, что 5 человек из участников – руководители наиболее крупных и успешных (из числа участников) компаний в тот же день записались в одну из наиболее «интеллектуальных» групп в социальной сети Facebook, ощутив «вкус» интеллектуализации отношения к собственному бизнесу.

Нельзя игнорировать достижения прошлого лет и в отношении других методов, в частности, Organization Development, в свое время именуемых в США методами «ненасильственного изменения социальных систем». Суть этих методов в том, что, опираясь на существующие ценностные ориентации, формируется мотивация к изменению этих ориентаций и строится новая их система.

Эти и другие технологические аспекты управления процессами модернизации заслуживают отдельного рассмотрения.

Но на один технологический вопрос все же нужно ответить.

Если модернизация – управляемый процесс, требующий участия профессиональных управленцев, какой вид управления должен осуществляться?

Модернизация – однократно осуществляемый процесс. То, что изменится в культуре, технологиях, социальных структурах, не будет необходимости изменять повторно. Это означает, что модернизацию можно планировать как совокупность последовательно-параллельно осуществляемых этапов, используя методы сетевого планирования, осуществляя при этом планирование затрат всех видов ресурсов, работу с позитивно и негативно заинтересованными лицами (стейкхолдерами) и все прочие работы, присутствующие в деятельности по управлению проектами.

Модернизация должна рассматриваться как проект. Согласно «Руководству к Своду знаний по управлению проектами» [14] – национальному стандарту США, признаваемому международным стандартом de facto по управлению проектами, «проект – это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов. Временный характер проекта означает, что у любого проекта есть определенное начало и завершение... Большинство проектов предпринимается для достижения устойчивого, длительного результата».

В России накоплен достаточно большой опыт управления проектами, есть подготовленные кадры управленцев, на основе «Руководства РМВОК®» утвержден национальный стандарт. Именно этот опыт, а не благие пожелания политической элиты и не «статусные торги» депутатов и чиновников, должен быть положен в основу управления процессами модернизации, каждый этап которого должен создавать уникальный продукт в виде социально-деятельностной системы с конкретными параметрами ценностной, культурной, социальной, деятельностной и властной подсистем.

Остается «всего один» вопрос – а какие значения параметров этих подсистем нами желаемы и достижимы? – Однако это уже вопрос для отдельного обсуждения.

Список литературы

1. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. – М., 2002. С. 146-168.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ., под ред. В.А. Ядова.– М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
3. Национальная технологическая инициатива. // <https://asi.ru/nti/>

4. Форсайт флот 2016. // <https://www.facebook.com/ForesightFleet/>
5. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. // <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf>.
6. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ. // Социологические исследования. – 2015. №3. С. 22-29.
7. Немировская А.В. Ожидаемая модернизация регионов Дальневосточного федерального округа. // <http://hse.ru/data/2015/02/25/1090558733/>.
8. Цдаф В.М. О смысле социально-деятельностной системы. // Вопросы культурологии. – 2006. – №11. – с.70-76.
9. Цдаф В.М. Об онтологической схеме социально-деятельностной системы. // <https://yadi.sk/d/arFC19VmqhK36/2007.pdf>.
10. Цдаф В.М. Методология современного менеджмента. – Самара: Самарская губерния, 2004.
11. Никитаев В.В. Онтология и типология социокультурных изменений. // <http://conflictmanagement.ru/ontologiya-i-tipologiya-sotsiokulturnyih-izmeneniy>.
12. Левин С.Н. Государство как субъект модернизации в России: идеи И.Т. Посошкова и современность. // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т.6. – №1. – С.66-73.
13. Беляева Л.А. Субъекты модернизации в России: практики постсоветского периода и современные проблемы. // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 51–58.
14. Руководство к Своду знаний по управлению проектами» («Руководство РМВОК®»). 4-е изд. – Pennsylvania, Project Management Institute, Inc., 2008.